

Доктору в психологии, члену Международной
Ассоциации бизнес тренеров,
Президенту фирмы " Volovik & Games.inc",
Великому маэстро В. А. Воловик

Человек! Высокое
Звание жизни,
Созидания,
Сияньем чистым вовек!

События, описанные в поэме, правдивы.
Преодоление.

Скально возвышался в чистом поле,
Солнца ясного в лучах
С утра до вечера купался, запеленан
Тихой речкой в живописном русле,

Век не сожжён в пожарах,
Муравьями не изъеден, рыхло в древа тлен,
Невредим остался после
Победы, в сорок пятом, много лет,

От непогоды, половодий бед
Временем сокрыт с заботой, перед
Лесом тёмным, одинокий сруб,
Словно светлый, рослый, мощный дуб,

Сложен клетью, углом в чашу собран целиком,
Брусом, высоким потолком,
Лет не менее полста, и не спешит на слом,
Пяти комнат, на горизонт с чудесным видом,

С узорчатым резным крыльцом,
Большими окнами
И треугольным чердаком,
Сенями столбами,

Да высоким частоколом,
Чуть поодаль, пред ним,
Уютный садик,
Святой венцу лик!

Яблоки, клубника, алыча, груша,
Абрикосы, вишня, крыжовник,
Смородина, малина, айва, слива
Тёрн, грядки с овощами, персик!

Кое где украшен клумбами цветов:
Высоких дивных роз, сочных пионов,
Да тигровых лилий по паре кустов!

Таким исконным веяло оттуда,

Ныне не повстречать которого,
Спокойным, русским, в сияньи лучистом
Искренно, неугасаемо, тепло,
Жизни сжираемым бешеным ритмом,

Впопыхах забытым, почему то,
Вечным, бесценным отеческим добром!
В доме том, с усердьем, заботой что
Плотник возводил давно добротню,

Порядочен, который год к ряду
Век коротал, белый как лунь,
Богатырь в пору былую:
Голыми сгибал руками кочергу,

В плечах косая сажень, добрый молодец!
Лицо в морщинах ныне, но кряжист старец!
Мало кто знал, меж тем, в округе,
Пережитых за грядую лет,

Что хозяин сада,
Добряк и трудяга
Почётный ветеран наград: Ордена
Креста Георгия Победоносца!

Дважды кавалер Первой Мировой!
За героизм, степени четвёртой:
Два бойца, стёрты взрывов градом,
Добыли, не единым разом,

Со сражения поля
Пулемёты с боезапасом!
Вручён комдивом лично
Знак боевой отличья

В память бурных лет,
Степени третьей,
За четырёх именных
Языков пленение!

За мужество в спасеньи
С передовой вымотанных,
Израненных, едва живых,
Самопожертвованье:

Вывод из окруженья
Солдат роты!
Среди регалий боевых
Орден Славы!

И боевой мундир на выход,
Отнюдь не из за прихоти
Пусть редко, по праздникам, а надо чаще,
Командирский, талисманом от ненастий,

Надевал, и над остальными
Орденами и медалями
Памятью, в верхнем ряду,
Днепру, за переправу,

Сияла искрой боевая,
За из автомата сбитый
С земли вражеский Мессершмитт,
Звезда Героя Золотая!

Была любимая, добра и заботлива, жена,
Да пятнадцать лет назад после чахотки умерла.
Родила Владимиру, ему, Алексея сына,
Пару лет пожила, и сошла; остаться без неё

Даже и не мыслил! Переживал он страшно,
Но не спился, выдюжил, и утрату пережил стойко,
Не скурвился и не скурился, верен себе, спокоен,
Добр, характером покладист, сына своего

Приличным человеком, жизни свет,
Воспитал с заботою, а после
И его дитя, из трёх кто постарше,
Максима, опору и надёжу! 17 лет,

Добр, спокоен, уверен, красив, здоров,
Быстр, весел и смекалист, хороший парень!
Сын давно перебрался в большой город,
Пусть и уроженец деревень; чем в селе,

Для себя нашёл занятие получше,
Таможенником в аэропорту,
Семьёй обзавёлся, жена, детей трое;
Часто привозил сюда Максимку,

Тот же, чтоб не томиться, слоняясь в душном городе,
С удовольствием, непременно каждым летом смалу живёт здесь:
Ведь родная кровь, не годится близких забывать людей,
Высказывать уваженье стоит, навещать дедушку чаще!

Максим, уроженец города; сёстры в Крым
В сезон летний, со взрослым сам на равных,
Гостем в ждущем дедушкином доме добрым,
Помогал хозяйство вести справно,

Поливал и удобрял, присматривал за садом,
Урожай на зиму с дедушкой собирал вдвоём,
На досуге коротал свои
Вечера, а иногда, и дни,

В амбаре, над Победой! Окрылённый
Долгожданным завершением войны,
Купил для удобства новый семьянин.
Над ней и трудился с усердьем Максим!

Движок перебрал, зажиганье отладил, вычистил форсунки,
Заменял на шиповку шины и приладил крутые диски,
Да салона обработал кожей обивку:
Заботливо отмыл, ценя фасона вкус;

Ожидала верно участи, достойно,
Обновлённая, в час свой,
Собранная воедино, в жизни новой
Укрытьем им с девушкой,

Передвиженья средством, служить заново!
Не перебирал, отдыхая, спиртного,
Не куралесил по пьяни,
Не бегал за девчатами,

Любил и уважал женщин, воспитанный иначе!
В компании, не обижая, не раня тем паче,
И на танцплощадках зря,
Не растрчивал себя!

Как то в июле, чуть погодя после дождя,
Собрался в магазин, успеть чтоб засветло,
Единожды ходил куда, недалеко,
С тележкой, в дом за запасами, в четыре дня,

Ни дать и ни взять, а целых километров пять
В одном направлении, да столько же назад,
Вот и решил пойти, погоде вопреки,
Закупил еды: мясо, сыр, шпиг, овощи,

Приправу, вкусоности, каши, муку, и
Со снедью, не ел с утра,
С тележкой и баулами
Успел домой возвратиться к обеду!

Круто гуляли, лихо, не на шутку,
Без перерыва гужбаня, сутками,
К знакомым чиксам забурились, без вранья,
Как раз сегодня то четыре к ряду дня,

Да не запылились, скопом,

Девки были мировые: и нальют, и дадут, на троих,
Которых поискать, по понятиям чуваков, по чувихе,
Так и квасили вшестером,

Начали с шампусика, винишка бабского,
После нарезались водяры, пивом
Догонялись, а куревом запаслись, благо,
В падла идти: магазин то далеко!

Чтоб заторчать конкретно, нарыли водки ящик,
С понтом привезли на тачке, гости
Жрали хавку, что бабцы варганили бухие,
Опохмела утреннего после,

На скорую руку, покуда живые,
В полутрансе, сомнамбулы упитые,
Взять то что! Да и не жрать ведь пришли к ним:
Водку пить, в земле валяться, утоли

Не зная; спохватились на четвёртый день:
Трындец, иссякло без остатка пойло,
Допрыгались! Воздуху ни у кого,
И бабьё, драные кошки, вспухли с лени,

Наглость потеряли, да забрехались, дескать,
Без постоянного заработка, и ноли
Одни на счёте: седьмые сутки на мели,
Хоть умри, хоть плачь, ни ломаного грошика!

Ни капли не нашли для опохмелу:
Что то стало холодать, дрожь по телу,
Не послать ли нам гонца,
За бутылочкой винца!

Не пора ль принять на грудь, + Забрэнчали чашки!
Соврала: Поздняк метаться, дожрали бражку!
Не принесла, себе закрысила для отходняка,
Но на рыло по литру самогона, наверняка

Чтоб слыть красавой, прихватила, и не зря:
Снова понеслась, загудели на два дня,
Да, раскайфовка та: не горюй, мама!
На рогах неделю! Будет денег тьма,

Свалим на халяву в деревеньку,
И затусуем помаленьку!
Зря что ль ларёк накрыли, касса
То, правда, была невелика,

За то своё с лихвой взяли левой, из закровов, водярой,
И консервой запаслись, без того не в косяк на воле,

Сigaretами, мишурой, жвачкой, в обёртке белибердой,
Поживились коробками для баб конфет, да побольше!

На седьмой денёк притон
Перестал гнать самогон:
Бабы мёртвые ползают, вокруг труха,
Жрут, гадят, спят, матерятся, пойлом глухо

Сливу заливают, разруха в хазе,
Кумар, хоть топор вешай, кроме грязи!
Троица не расслаблялась, ведь свободы валом:
Самогон, покурить, огурца, да кильки с салом;

Пьют, вновь наливают, пусть даже с неё завоют волком!
Будь из камня, сгрызут и такую, думая не долго,
И не надо ни фига
Гастролёрам с города!

Бабы быстро надоели, о них
Поотбивали кулаки:
Яй, не казённые, свои!
Будут знать, как поучать, блудницы!

Две разбежались сразу от экзекуторов троих,
Последняя в отключке, анархии облюбовав раёк,
К той поре, когда бесследно от куриц недалёких
Свалили из опостылевшей квартиры на седьмой денёк,

Песни горланя, гулять пошли втроём,
Денег нет, а надо: в город, за бухлом;
Что плохо лежит, спёр, да дёру, от правосудья длани,
Кто будет там искать особо, в глуши, тьмутаракани;

Малость правда, поизмотались хапать по садам
Вишню, яблоки, черешню, абрикосы,
Покуда клали наспех по мешкам добро,
Голову ломали, где содрать бабла трём кадрам,

Чтобы хватило на догнаться, курево,
Поблатовать и пожрать от пуза,
Засветло дотелепать обратно в город:
Новая ждёт раскайфовок туса!

Словно пряник тульский,
Славный был июльский,
Зовущий и погожий день,
В голове же дымкой тени

Крутилось, виденье словно:
Благодаря чему нежданно
Так спозаранку хорошо,

Солнечно, красиво и тепло!

Максим после обеда, в амбаре
Овощи перебирал в погребке,
Свёклу, картошку, морковь в песке,
Парень сам то косяя сажень

В плечах, невозмутим, мощный, здоровый,
И врядли в драке будет уступать; разум предпочтя, тем паче,
Сам не полезет на рожон, но способен, удалой, и сдачи
Дать хорошенько, ворогу суровый,

Жил себе поживал, мал по малу,
Занят по хозяйству, жизнепретвореньем,
Правду наживал, небу во славу,
Духа покой и умиротворение

Свято хранил с добром;
Вдруг, невзначай, смутно,
По наитью, чутьём,
Вдали узрел что то!

Без явных видимых на то основ,
Нежеланья избавясь от оков,
Выбрался, отложив дела,
Из сырого погребка назад!

Шли с кочерги, торчёные неделю, миновав сады,
Пошатываясь; завидев одинокий дом,
За рекою, в чистом поле, с частоколом, и
Прямиком бросились к нему, гурьбой, разломав ограду,

И в дверь: открыта настезь, будто им самим!
Дед недалече стоит с леечкой,
Пред с цветами клумбой, Аргус седой,
Троица к нему: Слышишь, дед, ты здесь один?

Он, спокойно: Ты кого то видишь кроме? Первый баловень,
Понаглее, вдоуг наехал: Слышь, ты чё базаришь, бивень!
В зубы не получал, заскучал, дерьмо?
Старец же ровным голосом, достойно:

Что для тебя ново, я забыл давно!
Что именно хотел, говори внятно!
Гляди, убогий, а с норовом!
Слышь, ты, ушлёпок, гони бабло!

Дедушка глазом не повёл в ответ,
Воин бывалый: Не кую и не печатаю! Сам в завязке много лет!
Задумать чем то навариться бред!
Поувольняли здесь бухгалтеров. Увы и ах, не взыщите, лишних нет!

Вас не трогаю, и куда шли, идите себе!
Вдруг, без слов, втихую, один ударил кулаком
В живот с размаху, зашипел высоким голосом:
Гнида, перечить вздумал! Говори же, деньги где!

Сюда неси, либо вмиг порешу! Видя, что дед
Молчит и крепкий, второй, чтоб добить, незаметно
Надвигаясь, ногой ударил наотмашь по лицу,
И, не дожидаясь, дедушка упадёт покуда,

Не останавливаясь, кулаками в поясницу
Замолотил, чтобы не оставлять следов лишних;
Человек преклонных лет, от беспредела пришлых
Упал, вдрызг разбит: кровь алая струится на траву!

Израненными прикрывшись руками, скрючась на земле,
Чудовищны сносил побои выродков трёх пьяных, молча!
Здесь пистолет один достал, цедя ехидно: Пришёл твой час!
И, к виску старцу приставив, заорал в бешенства трансе:

Где деньги? Козлина, неси, давай, иначе снесу башку!
Кровью кашляя, в пыли, прижимая выбитую руку,
Вымолвил сдавленно, отрывисто, приглушённым хрипом,
Еле ворочая прикушенным опухшим языком:

Я требую общаться цивилизованно!
Перед лицом тряся стволом ворованным,
И со злой улыбочкой, ублюдок залаял тенорком:
Вешайся, тебе крышка! И воронёным

Пистолетом, ударил рукоятью ошалело, пьяно
В челюсть с криком, смазал, сломал нос,
Кровь брызгами залила лицо, оросила, и без того,
Пионы, яркие бордово!

На повалившегося, не таясь особо,
Осознав, что расколоть не светит, втроём
Набросились, избивая с громким воем,
В пене брызжущей со ртов неприкрытой злобы,

Недвижно ссутулившееся
Безвинно незаслуженно страдающего тело ногами,
Изощрённо оскорбляя, рвя с перекошенными минами
Несчастливого одежду в клочья.

На мгновение обомлел, потеряв дар речи,
Увидел: Трое бешеных молодчиков, звери!
Вооружённые, и не в своей, в его крови,
Дедушку родного избивают, рвут на части!

Вмиг в груди похолодело, переключилось что то у него внутри:
Сталью лита, неколебима, одержимая решимость!
В голове распревзошлась: постиг предназначение, сурово, жизни!
Смертельно, на веку последне, пожаром вызрело само;

Необходимостью роковою правды стремленья!
Фемиды оружем тайным истин мироявленья!
Но ипостасью чьею: изверг грешный; мессия свят;
Безбожный катехизис; уникален, небесный свет?

В ответ, не медля ни секунды
Боле, бросился в дом! Стлали взор поволоки шоры!
Успей спасти, чтобы светил! + ружьё сорвал со стены,
В ящичке прихватив патроны,

Зарядил на бегу! Отчеканил сухо ворогу, негромко:
Немедленно прекратить! Брось пистолет!
Дёрнешься, пристрелю! + Взгляд непримирим, выжигал насквозь костром;
Здраву смыслу ухмылка пьяна ветом:

Кто ты такой? Хочешь себе того ж?
Дуру давай свою сюда! Быстро!
И оружие направил на него!
Больше сказать не вышло ничего:

Одному, главарю, видимо, с пистолетом,
Вместо ответа, полголовы снёс выстрелом!
Кровью забрызгав, мозгов кусками
Двух дружков, и разверстой ткани,

Второго поверг поступком в оцепенения ступор!
И, в ужасе застыл покуда очумелый,
Винтовку перезарядить успел умело;
Запоздало вновь выстрелил, в полуметре, вблизи в упор,

Особо не целясь, пусть и в бегущего, в грудь тому,
В смятении что пустился наутёк, третьему!
Вверх взвилось, отлетело на два метра тело,
Влиплось грузно: умертвилась шлейфом грязным плоть!

Впечатав в почву, кровавы, оскользельные отметины. Жребья свыше длани
Впитала Земля послушно тень от нечестивых избавленья, пятна тёмны!
В любви великой, возрождая, раны омывая в мироздания призваньи,
Взоры присные лаская, но тщетно, тверди, небес и вод даря красоты,

Не пищу уму, но для разума свободы, от мрака стылой тьмы,
Вершителю сего деянья, поневоле, ЕЁ дитю, Природы,
Милосердна, целительным покоем наделила неприкаянного сына!
В отчаянном стремленьи очистить мир от недостойных, бережён от игр ума,

Парус, небожителей Олимпа веяньем гонимый, не в угоду им,

Наречён апостол, вестник, планидой окрещённый огнекрылых лир,
Недочеловека, нелюдя прерывая нечестивый, жуткий пир,
То, что именовать не получилось в здравой памяти Созданьем Божьим,

Нету и секунды на размышленья: тем лучше, чем поскорей,
Сущего с лица стереть решимый, рыцарь посвящённый, небес ратник,
Обескровлен, истощён морально, но не сломлен, одинокий воин,
Ко всему готовый, врос древом в землю в лиловатом мареве!

Гримасой ужаса перекошено лицо:
Застыл второй, взирая на поверженного!
Пятно, с пятак размером, алым на белом, кровью залило рубашку,
Багровостью зияла рана; возле первого
Бездыханно лежал, наповал сражённый.
Последнего из трёх, чтоб не убежал, уложил прикладом в голову!

Ни обронив слезы ни капли, первого пистолет забрав, стоек,
Сурово, молча ушёл, в прах низвержа слуг ада яды,
Не оборачиваясь, не удостоив трупы взглядом.
Над одиноким телом дедушки, измождённым, сам тревог с роем,

Разверзанным, Максим преклонил колени скорбно,
Прислушался. Вдруг слабое
Дыханье уловилось расплывчато, аморфно;
Повесив на плечо ружьё,

Старца на руках внёс в дом, летаргии высей храм краеугольный,
Осторожно тело положил: досок помягче ковёр напольный;
Ворох салфеток побросал вблизи, чистой раздобыл воды,
Обмыл, обтёр, одежды обрывки сняв, обработал раны,

Дедушку в кровать положил, напоил водой, укрыл летним одеялом,
Полотенце приложил к измождённому лицу!
Упал потерянно на стул, прикрыв глаза рукой, скорбь тёплым покрывалом
Объяла лавы глаз рекой! Будто оклик сверху:

Держись! + Перед иконостасом пав ниц,
Взмолился горячо Создателю остаться светлым, чистым!
Пришло на ум, вновь зримой явью: милостью Творца глас свыше;
Обета молчанья тайн, непогрешим, свидетель, здравый смысл?

Будь осторожен. Во дворе преступник!
Вновь маяк! Видя, старец мерно дышит, собрался с духом,
Перезарядил ружьё и вышел, тиши внемля слухом:
Крыш звонкозвучий отклик дождя крику!

Оказалось, своевременно:
В себя пришёл второй, бежать в твёрдом намереньи,
В полуприседе, на карачках, по направленью
В город, петляя, полз, нетвёрдо;

Завидя Макса, занервничал, и, вслух ругаясь, ускорил ход,
Но вскоре сдался; от мысли, убьют, оставят в живых, закрыл рот,
В пыли, пьянчуга второсортный,
Остался, в шоке полумёртвый.

Повержен, воззвал, в самоуничижении по пояс, стенаньями
Максиму, клянча отпустить: о нём не вспомнит! В жизни
Больше так не будет! Чтоб о падшем смолчал, что третьим
Из зачинщиков в шайке напал! И пред ним хочет страданьями

Загладить, который по нерадивости причинил, ущерб!
И даже компенсировать готов деньгами, убытку сверх!
Чтоб на бестолкового, на него, зла не держал за дедушку.
Что выйдет так паршиво, сам не знал, не трогал и пальцем пушку!

В пыли, в соплях, совестью торгуя, павший в унижении,
Бесчестный, ничего к себе не вызывал, кроме презренья;
Единственно Максим сказал лживым в ответ поползновеньям:
Себя накажешь сам, житья тебе не будет здрава! Помни! Впредь

Из головы паскудить выбрось! Небо благодари, что выжил! Закон
Тебе мой, на носу заруби себе: чтоб не было твоей ноги
И трусости зловонья духа окрест порядочных людей земли!
Твоего барахла не надо. Карой тебе будет жить дальше! Пошёл вон!

Раскаянье, не истинно покаянье!
Дабы себе облегчить участь,
Последствий избежать нечестивых деяний;
За барыши торгуясь, но часть,

Потеряв себя давно в страстях,
На безмолвствующих мёртвых переложив ответа,
Вы же каетесь вечно с в о и м идолам и чтилищам,
В а ш и идолы и чтилища попустительствуют вам!

Истребовать уступки милости, давя на жалость,
Откупаясь, себе ища, спасаясь от возмездья,
Обман корыстный! Цена увещеваниям малость,
И полупьяным излишням: копеечный медяк!

Отпущение, которое самому себе
Надлежит снискать словом, деяньем,
Освобожденье не существованьем во грехе,
Безверья лишними признаньями:

Искренне моля, высоко, избавленья,
У твоим стараньем раненного, у неба, свет,
В праведности получить искупление,
Духу чтоб обрести рая врат спасенье!

Позже приехали милиция, скорая,

Не запылились, словно к себе домой, как в сено вилы;
В райцентре, приметив в крови, грязного с похмелья, неблаговидного,
Участкового вызвали! Здесь же и взяли чужака постыдного;
Узнали особняка у реки историю!
Да и сами слышали у дома в поле выстрелы!

Выпало в чём правды суровой светом
Превозмочь клеймо: бесщадна неизбежность! Наитием истин кладью
Предопределено чрез что переступить: назойлив равнодушья хлад.
В самопожертвованьи бесконечном

Через пагубу невежества и неверие хаоса
К духа воскрешенью! Яви глуби в очи смело глядя в миг краткий откровения:
Неужели мера Вечность молодым затерянными годам, снам,
Порывам, миражам, в горечи назрелой, беспылкости неколебимой бытия!

В беспомощном звуке том,
Содеянным отжатом,
Гласе юдоли,
Неба отклик: Жизнь!

Заслонённый от Лиссы бесов крылом Фортуны,
Что пережил, ударом злого рока не повержен, едва
Спокоен внешне,
В невозможности Неведенья Блаженство
Возвратить жизни прежней тайным стержнем,
Не лишался коего неба сын до сей поры!

Но, видимо, впредь, того не избежать, напостоянно!
С момента с врагом той, на смерть, схватки:
Как предотвратить от бездны прятки,
Утрату детскости восполнить: шокирует, неожиданна!

Грядет что отныне здоровой максиме,
Когда обескуражен и непостижимостью факта
Содеянного суть в неприятии,
И необходимостью стылой, чтобы не сойти с ума,

Оного как то избежать! Отгородиться мысленно
В невозможности от нежелаемых наследий,
Ровно как и мириться с первой заповеди:
Не убий, + важнейшей, нарушении: и одиночество;

Твёрделым сгустком
В груди холодом,
После решения, что с осознанностью принял сам,
Одному ему известно и, пожалуй, небесам!

Но и о том, собран тогда,
Держа в прицеле врага,
Он не думал, живя днём сегодняшним:

Воронкой мыслей полёт неудержим

Стрелки часовой стремится неутомимый ход!
Найти успели, крылатые мистерии,
Тумана оставляя шлейф, таинственности,
И скрылись из виду, до своей поры, чтобы

Неизбежно наполнить естество
Потребностию жгучей, отгадки!
Знал и сам, что справляться не кому то,
Но предопределено, во плоти,

Ему, и верные найти ответы для того,
Чтобы в будущем жить полноценно!
Стоял покуда у обидчика сражённого,
Чётче и ясней, узря, осмысливал: Свой отныне путь!

Трудностями, освобождаясь от содеянного пут,
Не сломиться, высоко голову неся, расправя грудь!
Туманен и долог, возможно,
И для 17летнего слишком сложный,

Но праведен и чист! И благородная ярость,
И раскаяния пред небесами боль,
Сливаясь воедино, разрывали на части,
Испепеляли, огнём рвались на волю!

В миг роковой, там, за домом: в винтовке патроны,
В пыли, на недочеловека, в запекшейся
Крови, взирая, Максим думал напряжённо:
Что стоит прервать и таковое, на дне давно,

Существование нераскаянного жалкое;
Нажатие курком, навек, последнее одно:
Ведь по нему никто
Плакать то особо,

Как ни крути, не будет. Не мальчику отныне, но мужу!
Свята заповедь, будто свет в конце туннеля, пришла на ум:
Не ты дал жизнь, не тебе и отнимать! Ничего нет хуже,
Чем жить как остальные; так же, самодурства в самосуде!

Не стал стрелять, ведь и у него есть мать:
Родила, растила! Не роняя стать,
Дедушка поговаривал: даже
В отъявленном, жжёном негодяе

Найдётся, непреложно, своё хорошее, так же
Как наихудшее в, ажно
Не придраться с виду, каком красивом человеке!
Что в жизни посеешь, ведь то

Пожнёшь в своё время ты! Доброте приверженный,
Не мудрствовал, не думал много ни
О том, что мужественен, ни что самоотвержен,
Согревало, что удалось семьи

Спасти имя славно,
От униженья оградить, фамилию и род,
Вступиться в схватке не на жизнь, за близкого
Человека, но что,

Не убивая, победить не вышло, разом
Ввергало в сумрак мысли,
Взрывало вновь при упоминании о том
Ум, по сути, мальчишки!

Не думал, и не предполагал стрелявший,
Уготовано что снести! В какой то чудный миг
Налетели ворохом листвы опавшей
Воспоминания забытые таких недавних,

Настолько ностальгических, безвозвратных,
Дней юных, счастливых, безоблачных, тёплых,
Как с бабушкой лакомились с молоком клубникой,
И как вечерами играли в шахматы,

Пели в саду песни, кто певчее, наперебой,
Рассказывал с бывалого, лучистой улыбкой,
И как воевал, и как жил, свои былины,
О разных странах, местах, о походах боевых,

Об огрехах и удачах, об интересных людях на пути;
Как чаёвничали, с пряниками да медом,
Летними вечерами спокойными, вдвоём,
Разбирали, и чинили автомобиль при фонаре в ночи!

С винтовкой стоял в раздумьях, и сам не знал точно,
Что случилось с близким ему человеком!
При смерти: покалеченном, избитом,
Лежал то, еле дышит, позвал, не слышит. Одно

Ожидать остаётся: случая развязки,
Смирненно вознося молитву чисту небу!
Припомнилось, как гонялись наперегонки,
И задорно за мячиком мчались в гору

Со Шмелём, дедовской собакой, ловки наравне,
Ловили удилом карасей,
Да здоровенных речных лещей,
И звёздными ночами в молоке парном воде

Играли и купались перед блаженным отдыхом!
Как с девушкой, кружась в одном порыве в танце страстном,
Пламенно соединялись, и её волшебный
Невинный, нежный поцелуй, для него впервые!

Так недавно, и настоль утраченно
Отныне для него!
Ведь впереди одно;
И вправду хорошее, что когда то

Выпадалось в недолгой жизни,
Отныне осталось позади,
И в семнадцать юные свои,
Раслата за действия пред ним,

Потому не деться никуда в том:
Не на год, но годы, казённый дом;
Неизвестности страх сковал намертво члены,
Потеря лет молодости расцвета двойным

Обуяла ужасом немилосердно!
Дома мама и две сестры,
Что он поведает родным;
Как папе сказать, что будь оно возможно,

И воля жизнь начать сначала, сняв табу, доли вето,
Неотменно поступит также! Распались гаммы
Беспечны, привольны, не повидать уж лета цвета,
Золота осени, стали зимы амальгамы,

И та, единственная, которую любил, врядли
Будет ждать. Задумался, помолился, из давнего
Того, что знакомо, припомнил: Живые Помощи
И Отче Наш, мысленно свою грёз юности любовь

На волю отпустил! И холоднее стало вдруг вдвойне:
Окончательно, безвозвратно потерял, так толком не
Успев и обрести: хоть пулю в лоб, невыносимо!
Но ни одна слеза, пред постылым не скатилась, врагом!

В отнюдь не детской передряге уцелевшему,
Так отчаянно рано повзрослеть успевшему,
Достойному счастья, долей выпало немало!
Да. Где то слышал: самоубийства из за того,

Что человек не может отпустить какие то
Свои ошибки, но корит неимоверно,
Себя сводит в могилу;
Дедушкин, из памяти глубин, завет многоопытный пришёл на ум:
Живи и помни, чего б ни стоило, жизнь прекрасна!
В скорой в больницу

Увезли, в реанимацию, о возможности спасти без предположений,
В морг трупы в мешках; Максима в райотдел доставили с конвоем,
Признание взяли документально, и у беспокойного
Выжившего, пойманного, лживы показанья: выдумывал с наслаждением!

Начали следствие, да дело закрыть хотели поскорее, и в части
Раскрываемости преступлений, её повесить, для галочки;
Правда, звучало уточнение: бандиты
Не оставляют своих свидетелей в живых;

Иначе обернись, в случае чего,
Закроют без смягчающих. И, в целом,
Основательнее убеждает в том
Послужный список с приводов букетом:

Разбои, хулиганство, кражи,
Одна в свои двадцать с небольшим
Перспектива: к зоне напрямиком!
Российский закрытый суд дело

Вёл, тогда советский; но открытым текстом,
Максима, расправа скорая! Прямиком
Торит, дескать, себе тропу ею
Для несовершеннолетних в колонию!

Истинный ронин,
Не бегал от ответственности, и ныне
Максим неукорим
В том, с малых лет её брал на себя: в цене

Не торгуясь, порядочным малым воспитан! Брани
Поля не покидал, потому себе и капитан!
Не опустил, перед ответа страхом, храбрый,
Не признавал и не являл малодушья слабость!

Но вот в чём заковыка, незадача:
Неужели мужчина сдастся, лицом
К лицу, окажись в положении том,
С бандитами, и поступит иначе!

Вынес суд свой приговор постановлением:
Семь лет крупному преступнику заключенья;
Максиму три года свободы лишения
В колонии! Мера.

Но здравому рассудку верой и
В том разве истина!
Светлых побед слава!
Достойный её смелой памяти,

Героической эпохи бессмертных лет, отверстым зеркалом,
Ветхих тайн древних планид хранитель,
Меткий в ключевом: Со щитом либо на щите! Сумеречный дом:
Грусти ангелов небес обитель,

Негласный очевидец вековых перипетий, ненастий
Послевоенного застоя, ватой липкой плесени
Номенклатуры; деспотов при жизни, монстров,
Беспощадных до одуренья, миллионов

Угнетённых, замученных, тиранов, стёртых с лица Земли,
Изничтоженных, поколений посвящённых:
Поэтов, мыслителей, воителей, учёных,
Руководителей, танцоров, ораторов,

Писателей, художников, новаторов,
Жизней блистательных, смелых авиаторов!
Нечестных десятка тысяч посреди,
Честный один! Мучим недугом таким,

Обескровлен, уязвлён народ!
Но и одинокого, того,
Не спасти, не избежать ГУЛАГа участи;
Невинных мириадов истребленья, мести

Непокорным, своим верным идеалам,
Добрых и порядочных,
Талантливых и светлых,
Изничтожения, гибели державы,

Дом, таинственный свидетель! Ауры Титана в обличьи,
Государству губительных, последствий ужасных войн, чреды,
Аварий страшных, и маниакально искаженных моды,
Нездорового к тому внимания, когда отличием

Бравируя от стран, к цивилизации
Затылком, за занавесом железным
Загнивавшей, буржуазии, нации
Вредных враждебных выгод, чужой среды,

От сорняками в социум, полужив, вросшей б е з р а з л и ч и я беды:
Хорошо, что не с нами! Заложники пагубы: \$ в глазах! Когда б дом
мог говорить! Вдруг открыли, в оглядках, однажды:
В то ж ввязли по уши!
Того очевидец, безразлично безголосы
Как, могилу методично вырывая себе сами! Духовен, стремлён, вольт извечен,
к спасенью! Альфы

Естества! В паутине лжи постылой, граней
Сторонний наблюдатель, одряхлело, иссыханья,
Не людей совершенных рода:

Придуманных для народа,

Якобы предначертаний и будто его побед.
Дом Призрак, вдохновенный, неугасающих надежд!
Максим, жребья путник, невольно стал вершителем трёх жизней,
И, навек, своей; не возжелав того, окрылён Бореем!

Мы, слишком часто, наблюдая разгул, на наш взгляд,
Вопиющей несправедливости, в претензиях,
Взываем к ангелам, недоумеваем, ищем ясность, дышло,
Руки себе заламывая, дескать, где же Слово Высшее,

Не видя, в упор не замечая небес содействия!
Мечемся: стенаем, так нам плохо; снять чтобы гнёт с шеи,
Несвобод, блуждаем: мудрствуем лукаво; слишком трудно
Поменять себя! В потёмках кидаемся от одного

Ко второму, скитаемся, не каюсь, покрова теряем перья,
Творим кумиров беспардонно, глохнем, не страдая слухом,
Себя негуманно ввергаем в пучины бездонные безверия,
Усматриваем в неколебимом, святом, и в мощных духом,

Слабости, свои тем самым являя, выставляя напоказ,
Свою ж несостоятельность ретиво утверждая каждый раз!
Чуть не с удовольствием, иногда, разувериваемся падко,
В очередных утопиях себя теряя: так скатиться сладко!

Забывая: ничего не светит, кроме упадка дна, шаткого!
Невосполнимости боли горьких потерь
Предпочтя бездумно саморазрушенье,
С упорством губим, не любя себя, перед

Дверью рая в метре; и нещадно
Свой ломаем мир, близких, предпочтя ворота
Иные; возможно, нам не надо,
Чтоб нас спасали, но: оттуда нет возврата!

Врут нам, врем мы, и в том
Круге лжи, себе самим, в цейтноте
Увязли незаметно!
Обманывать искусно можно год;

Рвсчётливо, даже пятилетку и без того
Сознание многострадально, измученно.
Вымазанный густой копотью поруки круговой,
Вождей ископаемых жертвами, багровой рекой,

В князьков, обращённый, кабалу,
Великий, свят загадкой духа,
И дорог, и высок, русский незлобивый,
Дружественный, некогда трудолюбивый,

Доброй воли оплот людского рода.
После немилосердных, чисток в годы,
Без бремени сожаленья
Неугодных истребленья,

Бесчеловечно обделённый,
В Остаток Выживших сведённый;
Когда сильный цинично пожирает слабых,
Мать и отца родные, выгод ради, табу

Нерушимо, да и себя, впридачу, лежалую пиров мишуру,
Не задумавшись, на серебро меняя, пускают в торг;
Руша основу: веры столпы, кодекс этики, традиции, культуру,
Себе ищут, своё же насаждая, и сами в упор

Не замечая, деградируют, на свыше не взирая знаки,
Ничего не создают; взамен не давая, алчут хищно,
Нагло выдавая корысть, безверье, нигилизм, стяжательство
За правды, нескромно превозносят культ себя в огалтелой драке.

Возможно и десятки лет, но не век!
Придут, наступят времена! Человек:
Духа досточестива ипостась! Жизнепревращений упование свято!
Пора: некогда счастливых, освобожденья из гонений, вопиющих, ада,

По сей день забытых,
В миру потерянных
Мироскитальцев, с видом на
Огонь извечный духлесса,

Дабы превозмочь оный,
Победна, возрея надежду,
С той верю в любовь,
С навек осталось что, негрешным!

Свобода в отрыве от
Интеллигенции, здравого смысла, внутренней доброты,
Сродни ей, анархии,
И первая, и последняя, уничтожающи, страшны.
С таковыми делать что:
Как велось, безучастно

Закрывать очи, безрезультатно отбрасывать вновь,
Либо, пусть впервые, достойно: стойко, мужественно,
Напрямик в лицо смотря, принять страх!
В агонии, конвульсий выхода

Из пучины забытья
В угаре, маркетингового холокоста в горячке,
В моменты озаренья,

Неохотно, не живя, но существуя, по привычке,

Во тьме, пред новой смертью, изредка,
Не клюнет петух покуда:
С последним ударом пульса,
Последствия пожиная в века

Кровавой, скорой на руку
Со смыслом здоровым,
Добродетелью, расправы,
Буйны нравом,

В на кресте распятой,
Миром вовек клятой,
Но не найти ей дорожке, близкой
Родимой, неделимо, стороне,

Одуматься ужели не пора:
В кои то времена жить начать по настоящему!
Воплощать, творить, оставлять, благородно, во миру
Наследие, уникально, детям!

Порожденья, тотально тирании,
Конвейерного типа исполнители,
Идей чужих вершители, даже целей,
С упрямой установкой, уравнительно,

Как жить и любить кого,
Что пахать, чьим воздухом
Дышать, что покупать кошелька удельным весом,
С единственно потребным интересом:

Что ж будет дальше! Узнать, чтоб понять, как верно
Поступать: упасть либо летать! Неумело,
Ненасытно, невпопад, нездорово, слепо,
Сквозь немость ртов, широко закрытые глаза!

Возможно, пристало досточтимым
Принять планид мирно предвестье,
Сознанием, духом: выход есть!
Себя в созидательном, в красивом

Обрести, в светлом, в неповторимом
Цвете жизни без грязи, тенёт, со временем в ногу,
Гармонии волю, веру благотворно, добрую.
Давным давно когда то,

Знамя возрея злато,
Закованные в латы,
Съезжались рыцари на беспощаден, бой,
Но вдруг один сказал: Постой! Доколе

Будем убивать! Поля пора
Сеять, да бороздить океан,

Любить, воспитывать детей,
И пожинать труда плоды!
Пусть терниста, Максима жизнь;
Открытым, светлым! Семейным

Либо холостым, не так важно: храбрым духом!
Поможет осознать ясней, откровенней, чётче,
В своём закате, расцвете, из юности вотчин,
Как стоит поступать на перекрёстках трудных!

Истина совершенна!
Определена разума возможностями;
Восприимчивости
Шестью органами
Познается красота;
Волей нравственно же постигается добро!

Правды не тая, ужель не пришло время,
Осознав, ничего не объясняя, в яви
Глубь космоса между бранным своим существованием,
И полноценным пребыванием, жизнедеянием

На свете, супримально,
Принять с Максимом ситуацию свыше упрежденьем,
Чтоб сущность дерзновенно улучшать, в последнем!
В основах и детально

С выбором определиться, от гнилой отойдя высокомерности цинизма,
От фраз чёрствых выпренности дешевизны:
Что ж делать! В потугах сырых многотрудных,
Смертью дальше, либо начать, ей вопреки, добросовестно заниматься
Жизнью!

89026595596
dimsu1@mail.ru

Омельченко Д. Ю.
декабрь 2018